Текст · 12 августа 2022, 08:24
Анна Павлова,

«Нам пообещали, что полгода — и амнистия». «Медиазона» поговорила с заключенным, вступившим в «ЧВК Вагнера»

1 августа собрали всех на плацу нас, сказали: «Ждите, сейчас проверка приедет». Стояли часа полтора-два, ждали. Подъехал, такой, начал сразу громко говорить: такой-то, такой-то, представился, что он Евгений Пригожин[1] из «ЧВК Вагнера».

Я слышал [про ЧВК], но его лично не знал. Вообще, в феврале я сидел на севере, в централе, где «законку» дожидался — законной силы приговора, и как только началась эта «спецоперация», как по телевизору о ней говорят у нас, я сказал, что зэков будут набирать. Так и случилось. Я не слышал, чтобы уже набирали, но он сам сказал, это уже не первая колония.

И он начал говорить, что это одобрено президентом, что можно зэков набирать. С Питера он набрал 50 человек, что ли. Двое из них в госпитале лежали, семь из них погибли. Начал говорить, по сути, что на Украине происходит. Что там не детский садик, а война идет настоящая. Война так война, он сказал. Тем более Третья мировая началась, как он еще сказал.

Как я понял, что это уже приказ самого президента нашего, что с колоний можно забирать. Он сказал: «Такой шанс бывает только один раз в 80 лет». Ну, во Вторую мировую то же самое было, по ходу.

Иллюстрация: Наташа Шпак / Медиазона

Я просто отталкиваюсь от того, что я не могу по телевизору смотреть, как детей и женщин убивают на Украине. Донбасс, также Луганск, когда их только начали бомбить, но я на это тоже не могу смотреть.

У меня брат младший побывал [на войне], рассказал мне тоже много чего. Он военный, месяц назад домой вернулся. Они по контракту три месяца там были. Из ста человек только вчетвером вернулись. Брат сказал, что больше не поедет, потому что три контузии, пулевое… Он воевал под Северодонецком. Он сказал: «С меня это хватило».

Нам пообещали, что полгода — и амнистия. 100 тысяч зарплата в месяц и 100 тысяч премия. Это все в контракте будет прописано у нас. Они сказали: «Каждый месяц будете с родными созваниваться, узнавать — пришли деньги, не пришли». Вот, грубо говоря, 200 тысяч должно прийти. Позвонил родным через месяц: «Сколько к вам поступило? 195?» — идешь разбираться насчет этого.

Они сказали: «Если хотите, можно свои карточки завести, если хотите, можем родным вашим деньги отправлять». Нужен только номер паспорта родных. Я буду отправлять родным.

Дальше он сказал: «Если хотите, через полгода можете домой вернуться, либо, если хотите, можете новый контракт подписать». Я думаю сначала домой съездить, а потом уже по ситуации разбираться, смотреть.

За гибель 5 миллионов, говорят, будут выплачивать родным. Если ранение — в госпиталь, если, там, ногу оторвало либо руку. В госпитале также полгода находишься, и потом твои документы на эту амнистию подают.

Через полгода снимут судимость, не будешь судим ты. Если столько людей записалось туда, доверие есть этому человеку.

Меня мотивировало, чтоб туда поехать, это чтоб детей не убивали, ни женщин, ни стариков. Деньги, амнистия и снятие судимости неважны. Если бы был на свободе, я тоже поехал бы.

«Это сделка с дьяволом»

«Мы не вооруженные силы, а самая настоящая военизированная ОПГ. Мои ребята заходят в африканские страны и за два дня не оставляют там ничего живого, и сейчас так же разносят врагов на Украине. Ваше решение служить в ЧВК — это сделка с дьяволом. Если вы выйдете отсюда со мной, то или вернетесь свободным человеком, или умрете. Вы будете обязаны убивать врагов и выполнять приказы руководства. Тех, кто отвернет назад, ждет расстрел на месте», — цитировал по памяти заключенный из ИК-2 речь человека, в котором он узнал Пригожина.

> Сам он от предложения отказался. По словам заключенного, вагнеровец говорил, что «в первую очередь интересуют их убийцы и разбойники». «Лучше, говорит, чтобы не бытовые убийцы были, а прям сознательные — вам, говорит, у нас понравится», — рассказывал арестант. Он отмечал, что среди согласившихся в первую очередь «первоходы с большими сроками», но «много и идейных».

[Слова Пригожина,] что его в первую очередь интересуют разбойники и убийцы, не смутили. Ну, я сам по разбою сижу тем более. И как-то его слова меня не смутили. Ну, я деревенский пацан, много чего повидал в поселке, в городе, и по мне так же стреляли, когда еще мелкий был, маленький. Я не боюсь пулю схлопотать. Погибнуть не боюсь. Как-то я не переживаю. Я, тем более, с родителями пообщался. Меня все одобрили, что я поеду туда.

После встречи на плацу пошли все записываться. Человек 300 записалось, человек 150 они откинули сразу: у кого паспорта в личном деле не оказалось (тут они ничем помочь не могут), кто по возрасту не подходит — до 50 лет.

Потом [заключенные] к ЧВК подходили, к сотрудникам прямо, общались с ними. Их было четверо вместе с ним. К нему некоторые тут попали. Я лично не смог попасть. Тоже хотел пообщаться, но не смог.

Имени человека, с которым общался, точно не помню. Он поинтересовался: фамилия, имя, отчество. Я сказал дату рождения, статью. Он говорит: «Почему

ты хочешь ехать?». Я такой: «Не могу смотреть на то, что по телевизору показывают». Он говорит: «У тебя есть, кто там воюет?». Я такой: «Да, у меня там друзья воюют, родственники дальние, брат был младший. Много чего рассказали мне». Он сказал: «Принят, увидимся».

Это понедельник был, 1 августа. И вот они приехали 5 августа на полиграф. Это так было, для галочки у них. Также зашел, спросили фамилию, имя, отчество, год рождения, статью — ты едешь, все. Больше ничем не поинтересовались. Предупредили, что за дезертирство — расстрел, за мародерство — расстрел, за наркотики — расстрел, за пьянку тоже.

Я уверен в себе, что я не буду убегать с поля боя. Я никогда не убегал. В плен попасть не боюсь, у меня 5 августа поинтересовались насчет этого: если я попаду, что я буду делать. Я сказал напрямую: подорву себя, вот и все. Или пулю в голову всажу, живым я точно не сдамся. Буду выбираться. Не получится — лучше пускай пристрелят. Это будет лучше, чем чего-то я скажу.

Они сказали, что в течение двух недель нас заберут. Повезут до Ростова (они не говорили, но туда большинство забирают, как я узнал). Там переодевают нас в военную форму. И потом за границу, на этот лагерь[2], где подготавливать будут две недели, курс молодого бойца. Для этого и не надо долго готовиться, чтобы научиться стрелять и кросс бегать. Стрелять умею, бегать умею, с боевым оружием умею обращаться.

Я не знаю, куда нас потом отправят, знаю, что я буду вторым эшелоном идти. Первый эшелон — это тот, который давно там, а мы сначала две недели будем вторым эшелоном за ними идти как штурмовая бригада, штурмовой отряд. Штурмовать будем.

Контракт будем подписывать официально уже в Ростове, будет бумага. Как снимут судимость, объяснено не было, все, по ходу, в контракте будет прописано у нас. Конечно, могут обмануть. Это бывает. Конечно, доверия 100% им нету, но 80 на 20 доверие у меня есть к ним, на 80% я доверяю.

Думаю, такого, что через полгода вернут в колонию, не будет. Вот мое мнение. Все-таки контракт.

Редактор: Агата Щеглова

---

1. Заключенный из ИК-2, с которым «Медиазона» говорила в прошлый раз и который присутствовал и при этом разговоре, утверждает, что Пригожин не представлялся прямо, а когда его спросили, кто он такой, ответил: «Погуглите потом в интернете». Однако сам он узнал Пригожина и не сомневается, что это был именно он.
2. Где именно находится лагерь, им, по словам заключенного, не сказали.